

СМЕЛЫЙ АРГОНАВТ

Это было в городе Санкт-Петербурге.

Это было на Забалканском, в бильярдной. Бильярда было три: один похуже и два очень строгих. Сюда заходил хозяин, пан Рыбацкий, как в гости. Наведя порядки в смежном помещении - столовой-кофейне, пропустив главную массу обедающих, ущипнув два раза коленку подошедшей к кассе Ядвиги, любил он взять стакан мазаграна и, тихо посасывая соломинку, подняться на три ступеньки в бильярдную.

Войдя, раскланивался пан Рыбацкий со всеми наклоном головы и потупленным взором и перекидывался "парою слов" с посетителями, сохраняя свои обычные манеры графа в изгнании. Затем подходил к бильярду, где решал искусный маневр Дима Итяков, и всматривался минут пять в игру его партнера. Дождавшись первого неудачного удара по шару, едва не влезшему в угол, облакачивался пан Рыбацкий на борт. Затем эффектно постучав хризолитом толстого перстня по медному канту и тем стяжав общее внимание, оглядывал он победоносно всех по очереди и говорил Димочкиному партнеру:

- Да, вы сделали артистический удар. Это - удар дуэлянта шпагой в сердце. Но... - грустная улыбка, - это вам не кошелка...

Тут с достоинством, перемешав кусочки льда в студеное кофе, отходил он и присоединялся к зрителям, кольцом наблюдавшим поучительную Димочкину игру.

На окнах висели толстые ламбрекены, контрабажуры люстр и бра бросали свой рассеянный свет в воздух, пронизанный табачным дымом и остриями бильярдных киев, скользил беззвучно маркер, собирая по лузам шары, и по временам громко выкликал:

- Шестьдесят три! В двух больших - партия...

Длились классическая пирамидка, карамболь и ботефон.

В разные дни, разные часы меняла бильярдная свое лицо, как всякое место общественного значения. В ней меняла свое лицо большая холодная столица, кривляясь привычными гримасами. Но основной состав посетителей оставался все тем же: студенты, больше технологи, растворяли в своей среде небольшую группу знатоков и ценителей высокого класса бильярдной игры, сплоченную вокруг Димы Итякова, носившего, как и все фавориты, уменьшительное имя.

Одним заменяла бильярдная неудачную карьеру, другим - негостеприимную науку, третьим - отсутствующую или испорченную семью. Безмолвный ли уговор или святость своеобразных традиций, но личное не всплывало ни в разговорах, ни в поступках. Игра, ее содержание и логика создавали центр, вокруг которого лепились интересы, игра заслоняла все остальное, и лишь в ее плоскости ухитрялись решать вопросы искусства, философские и политические.

Так, естественно, стала бильярдная портиком греческого храма, где жрецами были Дима Итяков и маркер Федор, учителем же философии и теоретиком - журналист Поливанов.

Аудитория завсегдатаев держала мазу за игроков, созерцала, сидя на полужестких диванчиках, и курила. А Поливанов поучал:

- О юноши, о мужи, у нас накурено, но дух витает чистый, ибо мы одни. Вы видите, боги благосклонны к нам: ни одна женщина не омрачает наших бесед под этими сводами. В многоопытной своей мудрости уважаемый хозяин наш Казимир Казимирович не допускает даже к уборке бильярдной ни Ядвиги, ни кого-либо еще из дев и жен, мало-мальски годных к ласкам и битвам Афродиты. Поистине, соблюдая свои интересы, заботится он и о наших, ибо не коснулось нас тлетворное женское дыхание. Что же касается поломойки, то злые языки говорят, что и она двухснасна...

Игроки ходили вокруг бильярдных с киями в руках, в одних жилетах. Дима Итяков играл очередную партию со случайным посетителем, привлеченным замечательной его игрой, шумела отдаленно кофейня, за окнами ночевал Санкт-Петербург. И Поливанова слушали плохо, больше следя за Димой, за каждым его ударом...

Он горбат. Это заметно не всегда, чаще кажется, что он сутул. Он движется среди игроков, он ходит вокруг бильярда с той уверенностью, с тем достоинством, с каким творят общественные обряды под десятками внимательных взглядов привычные актеры разных культов. В лице его, в глазах - спокойное превосходство бесспорной силы, в каждом жесте - та неуловимая и постоянная находчивость, которая присуща мастеру и знатоку, а по временам далекая улыбка смущения. Длинной, прекрасной, мягкой, как у ребенка, рукой он хлопает слегка пана Рыбацкого по плечу.